

Центр "Петербургское Востоковедение"
St. Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST. PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Н. А. Невский

На стеклах вечности...

НИКОЛАЙ НЕВСКИЙ

**Переводы,
исследования,
материалы к биографии**

СИНОЛОГИЯ

Ранняя китаеведческая работа Н. А. Невского

Л. Н. Меньшиков

Студент китайско-японского разряда Невский изучал китайскую литературу под руководством приват-доцента В. М. Алексеева. Его дипломная работа была посвящена анализу произведений китайской поэзии периода Тан (618—907), сложных по своей структуре и образной системе. Эта тема была связана с кругом интересов В. М. Алексеева, изучавшего танскую поэзию и, прежде всего, величайшего поэта VIII в. Ли Бо. Алексееву принадлежит работа «Стихотворения в прозе поэта Ли Бо, воспевающие природу» (1911). Уместно сказать несколько слов о методе, которого придерживался В. М. Алексеев при исследовании китайской классической поэзии.

Будучи в Китае в 1906—1909 гг. на стажировке, В. М. Алексеев обнаружил, что обычные словари мало помогают при переводе китайской классической поэзии, ибо не включают в себя ту систему образов и ассоциаций, которая была понятна во время написания произведений и стала трудна для понимания в XX в. В поисках ключа к поэтическим произведениям В. М. Алексеев — не без помощи своих китайских учителей-сяньшэнов — обнаружил уникальное пособие для переводческой работы — словарь XVIII в. «Пэй вэнь юнь фу» («Конкорданс рифм изящной литературы», как перевел это заглавие сам В. М.). Этот словарь включает в себя не менее миллиона иероглифических сочетаний, встречающихся в текстах китайской классической литературы. Его особенностью является отсутствие толкований этих сочетаний: толкования даны только на отдельные гнездовые иероглифы. Дальнейшая работа зависит от умения читателя правильно понять приводимые контексты классической литературы, где эти сочетания встречаются, и от способности воспринимать образную речь. Примечательно, что в отечественной лексикографии только недавно начали искать аналогичные подходы к образной системе поэтических произведений (см. например: Поэт и слово. Опыт словаря. М., 1973). В самом деле, если читатель образности языка не чувствует, то никакими способами научить его этому нельзя. Пояснения здесь бесполезны, больше всего должен говорить контекст и чувство читающего.

Работа В. М. Алексеева «Поэма о поэте» (Пг., 1916), представленная к защите в качестве магистерской диссертации, стала образцом для поколений китаистов-филологов и привлекла внимание как ученых, так и мастеров русской поэзии, таких, как А. А. Блок, Н. С. Гумилев, К. Д. Бальмонт. Но когда Н. А. Невский писал свое зачетное сочинение за IV курс (1913—1914), публикация «Поэмы о поэте» и ее слава были еще впереди. В. М. Алексеев всегда советовал своим студентам при анализе поэтических текстов как можно чаще

обращаться к словарю «Конкорданс рифм», поскольку он дает возможность понять образную систему китайской литературы и проследить эволюцию образов во всей их полноте.

Н. А. Невский был едва ли не первым, кто, следуя советам В. М. Алексеева, не жалел сил, чтобы овладеть богатством образной системы китайской литературы. Это позволило ему разбираться во всех тонкостях внутреннего смысла стихотворных строк. Труд этот был нелегок — гораздо проще пользоваться «Конкордансом» сейчас: к нему составлен обширный указатель, позволяющий быстро найти нужное сочетание иероглифов. Расположение материала в «Конкордансе» выдержано в системе китайских рифм (нечто вроде «обратного словаря», только ориентированного не на буквы, а на иероглифы от конца сочетания к началу). Необходимо освоить китайскую систему рифм; это дает возможность ориентироваться в словарном материале. Труд В. М. Алексеева, проверившего по «Конкордансу рифм» каждое слово и каждое сочетание «Поэмы о поэте», т. е. «Категорий стихотворений» китайского поэта конца IX в. Сыкун Ту, представляется грандиозным. Зачетное сочинение Н. А. Невского выглядит скромнее: менее обширен привлеченный материал, исследуемые им стихи классического периода (в основном VIII в.) проще по узору изобразительных средств, чем поэма Сыкун Ту, типичный образец позднетанской поэзии, своего рода «декаданса», предельно утонченного и трудного для восприятия. Это работа студента, конечно, еще не достигшего такого уровня понимания оригинала, которым овладел В. М. Алексеев во время своего пребывания в Китае. И в более поздние времена ученики и последователи В. М. Алексеева, такие, как Ю. К. Шуцкий, Б. А. Васильев, Л. З. Эйдлин, не достигали того абсолюта в использовании подобранных по «Конкордансу» контекстов, который продемонстрировал в своем классическом труде их учитель.

Но вернемся к студенту Невскому. Тексты отобранных для исследования стихотворений он, не убоившись труда и бездны премудрости, тщательно проверил, иероглиф за иероглифом и сочетание за сочетанием по «Конкордансу рифм», и достаточно убедительно сумел трактовать их, причем делал это с увлечением человека, не чуждого поэтическим занятиям.

По счастливой случайности (если вспомнить судьбу самого Н. А. Невского и многих других китаеведов и подсчитать, сколько их работ, не опубликованных сразу, было утрачено безвозвратно, причем часто они просто уничтожались) дипломная работа Н. А. сохранилась в Архиве С.-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук. Это дает нам возможность опубликовать ее сейчас, почти через восемьдесят лет после ее написания.

У рукописи две характерные особенности. Во-первых, она переписана каллиграфическим почерком. Для начала века, когда пишущие машинки еще не получили того повсеместного распространения, какое имеют ныне, такой способ переписки бумаг для подачи в официальные инстанции был обычным. Трудно сказать, собственноручно ли осуществил автор эту переписку — каллиграфические почерки в общем-то нейтральны. Но сличение с почерком Н. А. Невского 30-х годов (см., например, воспроизведенные фототипическим способом тетради «Тангутского словаря» Н. А. Невского в своде «Тангутская филология». М., 1960. Т. 2.), хотя более поздним и небрежным, позволяет предполагать, что переписку осуществил он сам.

Вторая особенность рукописи — многочисленные пометы на ней, сделанные рукой В. М. Алексеева, высоко оценившего работу студента и благословившего его на дальнейшие научные подвиги. Эта студенческая работа сыграла немаловажную роль в тех более поздних оценках научных возмож-

ностей Н. А. Невского, которые встречаются в письмах В. М. Алексеева и других бумагах из его архива.

Работа Н. А. Невского и пометы на ней В. М. Алексеева вместе составляют интересный и поучительный документ истории русского востоковедения. Учитель и ученик выступают здесь почти на равных, хотя один из них представил свой труд на суд другого. В. М. Алексеев имел обыкновение исписывать читаемые им работы вдоль и поперек — каждый, кто отдавал себя на суд его критики, в том числе и автор этих строк, знает, сколь многочисленны, точны и часто беспощадны были его «замечания». В отношении работы Н. А. Невского пометы В. М. Алексеева не составляют исключения. Но в них есть одна особенность, которую необходимо отметить. Часть замечаний представляют собой простые подчеркивания, которыми В. М. Алексеев отмечает не вполне точные или не вполне стилистически совершенные места перевода. Часто он этим и ограничивается, видимо, полагая, что такой отметки достаточно: автор сам выправит неточности и неловкости. Другая часть — это предлагаемые поправки к толкованию и переводу, большей частью справедливые. Особо надо отметить случаи, когда В. М. Алексеев колеблется, не решаясь настаивать на своем толковании, и часто склоняется к тому, что толкование Н. А. Невского, может быть, более убедительно, чем его собственное понимание. Таким образом, в этих замечаниях В. М. Алексеев как бы вступает в диалог со своим студентом. Готовность В. М. Алексеева заменить диалогом противостояние «учитель — ученик» ощущали все его студенты.

Замечания В. М. Алексеева составили как бы единое целое со студенческой работой Н. А. Невского, поэтому мы сочли необходимым воспроизвести не только текст Н. А. Невского, но и все замечания В. М. Алексеева¹. При такой всесторонней публикации читатель может убедиться в справедливости нашей характеристики как студенческой работы Н. А. Невского, так и оценки отношений двух ученых, одного — уже маститого, другого — начинающего свой путь в науке. Публикация работы демонстрирует, что уже в студенческие годы Н. А. Невский сложился как исследователь, творческие потенции которого были залогом его последующих всемирно известных научных достижений.

¹ В настоящей публикации все пометки и подчеркивания В. М. Алексеева обозначены арабскими цифрами и даются в постраничных примечаниях, другие случаи оговариваются специально.